

А.Д. Терлецкий

Лебедев

Лебедев Лукьян Тимофеевич — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», «дурно одетый господин», ввязывающийся в дорожный разговор Мышкина и Рогожина, — «нечто вроде заскорузлого в подьячестве чиновника, лет сорока, сильного сложения, с красным носом и угреватым лицом». Поразительная осведомленность Лебедева о своих попутчиках дополняется его довольно пронизательным воображением. Он принадлежит к часто встречающемуся «в известном общественном слое» типу «господ», которые «все знают» — «где служит такой-то, с кем он знаком, сколько у него состояния, где был губернатором, на ком женат, сколько взял за женой», «всю подноготную». Как правило, «эти всезнайки ходят с ободранными локтями и получают по семнадцати рублей в месяц жалованья». Тем не менее их «знания», равняющиеся «целой науке», приносят многим из них «самоуважение» и даже «высшее духовное довольство».

Узнав, что один из его собеседников Рогожин, Лебедев «удивился до столбняка», лицо его приняло «благоговейное и подобострастное» выражение. Затем он «так и повис над Рогожиным, ...ловил и взвешивал каждое слово, точно бриллианта искал», а вскоре готов был перед ним «плясать», «вверх ногами» ходить, согласиться, чтобы тот его «высек и тем самым запечатлел».

Служение «двум господам», казалось бы, определяет житейскую практику Лебедева. Он одновременно хлопочет по делам Мышкина и Рогожина: первому помогает бескорыстно, второму — рассчитывая на вознаграждение. Вздумав «адвокатством заниматься», Лебедев берется защищать не старуху, которую «подлец ростовщик ограбил», присвоив все ее достояние в пятьсот рублей, а самого ростовщика Зайдлера за плату в пятьдесят рублей в случае выигрыша. К тому же, имея ничтожный капитал, Лебедев сам не брезгает ростовщицеством, одалживая деньги под «честный процент». Но если он «за мошенников в суде стоит», то ночью встает «раза по три молиться» («на коленках, лбом и стучит по получасу») за всех, в том числе и «за упокой графини Дюбарри», потому что за нее, «грешницу великую... с тех пор как земля стоит, наверно, никто и никогда и лба не перекрестил». Предосудительным поступкам, которые совершает Лебедев, «нет числа»: он способен по получасу подслушивать у двери, вскрывать чужие письма и читать записки, шпионить, интриговать против Мышкина, врать «из самоумаления» и т. п. Будучи уличаем в этих грехах, он обыкновенно с чувством начинает «ударять себя в грудь», сознаваться и каяться в своей «низости».

Лебедев — «человек довольно хитрый и извилистый». Бывает иногда «слишком наивен и назойлив в своем любопытстве», а порой «даже слишком коварно-молчалив». Но, «грешник и плут», он, по наблюдению Мышкина, человек «не бессердечный»; хотя в нем «много беспорядка», зато есть «сердце», «деликатность и ум». Ко всему этому Лебедев «преначитанный», постоянно «разные... книжки да мемуары читает».

Однако наиболее примечательная и отличительная особенность Лебедева в том, что он уже пятнадцать лет толкует Апокалипсис («в толковании сем» — силен и «равен вельможе»), чем и снискал себе репутацию «профессора антихриста». Лебедев полагает, что «неверие в дьявола есть французская мысль, есть легкая мысль», ибо «нечистый дух есть великий и грозный дух, а не с копытами и с рогами, вами ему изобретенными». А так как «закон саморазрушения и закон самосохранения одинаково сильны в человечестве», то «дьявол одинаково владычествует человечеством до предела времени еще нам не известного».

На дне рождения у Мышкина Лебедев, находясь в обыкновенном «вечернем» состоянии своем» («я пьян, но справедлив»), вызывает на спор «всех атеистов». «Чем вы спасете мир и нормальную дорогу ему в чем отыскиали... не принимая никакого нравственного основания, кроме удовлетворения личного эгоизма и материальной необходимости?» Сам «гнусный» Лебедев не верит «телегам, подвозящим хлеб человечеству! Ибо телеги, подвозящие хлеб всему человечеству, без нравственного основания поступку, могут прехладнокровно исключить из наслаждения подвозимым значительную часть человечества». «Друг человечества с шатостью нравственных оснований», по Лебедеву, «есть людоед человечества». К тому же, замечает он, «оскорбите тщеславие которого-нибудь из сих бесчисленных друзей человечества, и он тотчас же готов зажечь мир с четырех концов из мелкого мщения». Лебедев обличает «деловых» нигилистов, которые ведут речь о «необходимости распада на части России» и «ни пред какими преградами» не останавливаются, «если очень чего-нибудь захочется» — «хотя бы пришлось укокошить при этом восемь персон-с».

«Разгадку» современности Лебедев видит в том, что «ослабели» и «помутились» источники жизни. «Богатства больше, но силы меньше; связующей мысли не стало; все размягчилось, все упрело и все упрели!» Поэтому «все это настроение наших последних веков, в его общем целом, научном и практическом» — «проклято». Лебедев уверен, что в «странный и беспокойный» век, когда все основано «на мере и на договоре», а все ищут только своего «права», — на «едином праве» не сохраняют люди «дух свободный, и сердце чистое, и тело здоровое, и все дары Божий», — «и за сим последует конь бледный и тот, коему имя Смерть, а за ним уже ад»

«Третьего года» Лебедев предрек смерть его превосходительству Нилу Алексеевичу. «Пять недель как умерла» в родах жена Лебедева Елена, оставив на руках мужа четверых детей, которых он очень любит и читает им на ночь вслух Священное Писание. Дети Лебедева «все более и более с каждым днем» нравятся Мышкину. Старшая дочь Лебедева Вера после «истории с князем... была поражена горестью до того, что даже заболела».

В «Заключении» романа сообщается, что Лебедев, как и «многие другие лица», изменился мало, живет «по-прежнему».